

²⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 9. С. 358.

²⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 5. С. 355–356.

²⁷ Конан-Дойль А. Англо-бурская война (1899–1902). М.: Эксмо, 2004. С. 597–598.

²⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1900. Книга 10. С. 827.

²⁹ Friedberg Aaron L. The weary titan: Britain and the experience of relative decline, 1895–1905. Princeton: Princeton University press, 1988. P. 106.

³⁰ Конан-Дойль А. Англо-бурская война (1899–1902). М.: Эксмо, 2004. С. 597–598.

В. КЕЙДАН

**ВЫБОР ФЁДОРА БУТЕНКО:
СУДЬБА ИНТЕЛЛЕКТУАЛА-НЕВОЗВРАЩЕНЦА В ЭПОХУ ТОТАЛИТАРИЗМА**

В течение 1935–1939 годов в Европе произошло четыре серьезных кризиса, полностью изменивших баланс сил на континенте: ремилитаризация Рейнской области, интернационализация гражданской войны в Испании, аншлюс (объединение с Германией) Австрии и, наконец, Мюнхенское соглашение¹. На дипломатическом театре распадаются и создаются вновь военные блоки: Малая Антанта (Чехословакия, Румыния, Югославия), Британско-польский договор и, наконец, – Стальной пакт между Германией и Италией и Советско-германский пакт о ненападении. «Работа советского дипломата состояла главным образом в том, чтобы, играя на «межимпериалистических противоречиях», способствовать расшатыванию капиталистической системы. Антифашистская борьба, в которой участвовали советские дипломаты и деятели Коминтерна, и политика коллективной безопасности, проводимая Литвиновым и его командой, оказываются направленными (втайне от самих дипломатов, искренность которых приверженцы этой интерпретации обычно под вопрос не ставят) на разжигание конфликта между западными демократиями и гитлеровской Германией, – пишет французский историк С. Дюллен – контакты с зарубежным миром превратили советских дипломатов в глазах Сталина в потенциальных предателей»². В этот период Сталин довел до апогея чистку всего дипломатического и внешнеэкономического корпуса, а также зарубежной агентуры ОГПУ/НКВД и Коминтерна. Согласно недавним подсчетам историков, НКВД, руководимый Литвиновым, в двух волнах репрессий 1937–38 гг., потерял 34 % кадровых сотрудников. Самые решительные из них, спасая жизнь, бежали из посольств, торговых представительств, секретных явочных квартир, просили политического убежища, скрывались. Но мало кому удавалось спастись. Руками их бывших товарищей их уничтожали на месте, или похищали, тайно вывозили на родину и, после пыточных допросов, выдавив из них показания на коллег, приговаривали к высшей мере наказания. Надо отметить, что число перебежчиков и «невозвращенцев» в стане советских внешнеполитических сотрудников, начиная с 1920-х годов, росло год от года. По документам, опубликованным в книге В. Гениса, только в период «великого перелома» с октября 1928 г. по август 1930 г. за границей осталось 190 служащих из одних лишь торгпредств. Из них, по данным ИНО ОГПУ, 113 (в том числе 10 коммунистов) были признаны «изобличенными взяточниками», 35 (5 коммунистов) – «шпионами» и 75 (14 коммунистов), связанными с белогвардейцами, меньшевиками и проч.»³. Эту судьбу разделили уже около сотни советских дипломатов и разведчиков. Полпреда в Румынии Островского срочно отзывали в Москву, где, как все понимали, его ждал арест, обвинение в измене родине, приговор тройки и расстрел⁴.

17 февраля 1938 года в 10.34 на римский вокзал Термини прибыл скорый поезд из Милана. Из купе первого класса на платформу спустились три человека: высокий плотный молодой мужчина в шляпе и темно-синем пальто и двое ростом пониже, в черных плащах. На вокзальной площади их ждал автомобиль с правительственным номером, который отвез их на площадь Колонны, во дворец Киджи, к подъезду резиденции министра иностранных дел Италии. В кабинете на втором этаже гостя ждал зять Муссолини, граф Галеаццо Чано, уже два года занимавший этот пост. После тщательной проверки документов было установлено, что долго добивавшийся аудиенции гость тоже был дипломатом, хотя его профессиональная карьера, начавшись в 1937 г. в Париже, вскоре оборвалась по его собственному роковому решению.

Это был Фёдор Хрисанфович Бутенко, 33-летний Временный Поверенный в делах Посольства СССР в столице Румынии, ставший третьим из советских полпредов после Ф. Раскольникова (в Болгарии) и А. Бармина (в Греции), оставивших свой пост и выступивших с обличением сталинизма. Он получил это назначение 4 февраля, как только был отозван в Москву его предшественник, полпред Островский⁵ (1).

Бутенко пишет: «Очень может быть, что я был сам заподозрен в шпионаже. Один раз я написал в своем кабинете телеграмму Литвинову в двух экземплярах: первый, «черновой» вариант, который я, по существующему правилу, уничтожил и исправленный «беловой», который я сдал «на 3-й этаж» для зашифровки. Я, малоопытный еще дипломат, совершенно забыл о том, чему меня учили в Москве: писать телеграммы, подлежащие зашифровке, исключительно «на 3-ем этаже» и там же уничтожать оригинал после зашифровки телеграммы специальным сотрудником.

Когда я принес готовую телеграмму «снизу», из своего кабинета, сотрудник шифра посмотрел на меня несколько удивленными глазами. Ясно, что он тотчас донес об этом Лапину, а тот, в свою очередь, в Москву. Вероятно, предполагалось, что я одну копию телеграммы оставил у себя, чтобы передать ее какому-либо иностранному государству и таким образом дать в его руки «ключ» к советскому шифру.

На самом деле этого не было. Я инстинктивно почувствовал необходимость немедленно покинуть Полпредство, ибо промедление не только в днях, но и в каждом часе становилось для меня роковым. Куда мог броситься я в поисках помощи, когда 6-го февраля в 7 часов вечера навсегда покинул Полпредство? Подъехав в своем автомобиле к квартире, я подождал в подъезде три минуты, пока шофер уведет машину. Как только она скрылась за углом, выехав на *chaussée de Kiseleff* – я выскочил из подъезда и побежал. В свою квартиру я боялся подниматься. Я прибежал на площадь к *Arc de Triomphe*, взял первое попавшееся такси и сказал: «Вперед», т. е. в центр города. Я был настолько неподготовлен, что не знал еще сам, куда я еду и к кому обращусь. В посольства Англии, Франции, Чехословакии? Но я понимал, что это было бы то же самое, что «добровольно» вернуться в Москву. Назревавшие в Европе события подсказывали мне, что эти страны наиболее вероятные союзники большевизма в войне. Очевидно, что они предали бы меня в руки большевиков. В Польское Постпредство? Но там М-м Арцишевская, агент Лапина. Оставалось адресоваться к Германии или Италии, ибо только в этих странах я смогу получить наиболее надежную защиту от большевизма. Я приказал шоферу ехать к Итальянскому посольству. «Рим – родина мирового

фашизма – рассуждал я. Если я не спасусь и не найду себе применения там – я погибну», но ворота посольства оказались закрыты...»⁶.

В Ленинграде у Бутенко остались жена Вера Кравченко и восьмилетняя дочь Лия, их не выпустили в Бухарест. По решению Кремля членов семей новоназначенных дипломатов перестали выпускать за границу, оставляя их как заложников дома.

Внезапное исчезновение дипломата в ночь с 5-го на 6-ое февраля уже вызвало международный скандал. Литвинов направил гневную ноту, обвинив румынские власти в похищении или убийстве дипломата. Тем временем Бутенко, попросивший политического убежища в Румынии, давал показания агентам политической полиции (Сигуранцы) на секретной квартире в окрестностях Бухареста⁷.

Вот как он сам описывает четыре дня, нелегального проведенные в Румынии, в подробной объяснительной записке, направленной впоследствии руководству итальянской контрразведки: «Начальник Сигуранцы, оставив меня в своем кабинете со своим заместителем, немедленно направился во Дворец и был принят Королем. Вернувшись после часового отсутствия, он пожал мне руку, обласкал меня и сказал: «Будьте покойны, Вы находитесь под покровительством Его Величества».

Не только ради того, чтобы уплатить за четыре дня протекции, но в силу своего собственного сознания и по доброй воле я произвел в Бухаресте полный разгром советского шпионажа и всех интриг большевистской дипломатии. Я считал и считаю, что я должен не только спастись от большевизма, но и бороться против него. Я сообщил Румынскому Правительству фамилии всех лиц, которые находились на службе у агентов ГПУ из Советского Полпредства, я сообщил все, что знал о тех, кто получал деньги от Полпредства за всевозможные услуги шпионского и полушпионского характера; я рассказал о существующих связях между некоторыми тюрьмами, где имеются коммунисты, и Москвой; я подробно изложил содержание всех досье Советского Полпредства в Бухаресте и всех дипломатических материалов, имеющихся в Москве. Я осветил с исчерпывающей обстоятельностью и полностью разоблачил все замыслы большевизма в отношении Румынии. Я сделал все это честно, и безо всякого сомнения рассказанное мною представило огромную политическую ценность.

В отличие от некоторых других беглецов от большевизма, я разоблачил большевизм в Румынии по собственной воле. Я ушел от большевизма не для того, чтобы действовать втайне и приобретать капитал, но для того, чтобы вести с большевиками открытую борьбу. Мне 33 года, я интеллигент, и никогда не позволю себе торговать ни идеями, ни секретами. Мне ясно также и то, что каждого такого «антибольшевика» любое государство будет только ненавидеть и презирать»⁸.

Отметим, что вряд ли он обладал всей полнотой информации о советской агентуре в Румынии, но вскоре были объявлены персонами нон грата второй секретарь советского полпредства Лапин, сотрудница польского посольства Арцишевская, арестован и допрошен певец, владелец русского ресторана, Петр Лещенко, раскрытые им как агенты ОГПУ. Это не помогло Румынии избежать советского вторжения и присоединения к СССР Бессарабии и Северной Буковины в июне-июле 1940 года.

«Со дня, когда я покинул здание большевистского полпредства в Бухаресте, у меня с коммунизмом сохранились лишь единственные отношения: ненависть и вражда. Я нанес беспощадные удары по престижу Советов моими деклара-

циями в прессе, брошюрой, изданной в Германии, моей книгой о большевистской России.

Два следующих дня (8 и 9 февраля) я непрерывно писал, отвечая на все вопросы, Король Карл II дал им распоряжение: все буквально, каждую строчку, которую я пишу, немедленно доставлять во Дворец лично ему. Из газет, которые доставлялись мне, я узнал, что напряжение между Румынией и Москвой в связи с моим бегством достигло самых крайних пределов. Произошел обмен резкими нотами между Москвой и Бухарестом. Литвинов возлагал всю ответственность за меня на Румынское Правительство. Из тона печати, а главным образом, из поведения доктора Стефанеску и его начальника я уловил, что Румыния весьма взволнована и ищет возможности избежать конфликта с большевиками и избавиться от меня⁹.

По приказу из Москвы были сконцентрированы войска на границе с Бессарабией, входившей тогда в состав Румынии. После первого выступления Бутенко перед прессой, в котором он заявил о разрыве с Москвой, нарком М. Литвинов заявил, что советский дипломат или убит румынскими националистами и подменен белогвардейским эмигрантом, или вынужден делать эти безумные заявления под пытками, либо под воздействием психотропных препаратов. Эта версия была поддержана даже в британской и французской прессе. Отметим, что, в отличие от прямых и ясных антисоветских заявлений Бутенко, воистину безумные публичные самооговоры подсудимых на Московских процессах, якобы добровольно признававшихся в сотрудничестве со всеми мировыми разведками и подрывными центрами для подготовки расчленения СССР, организации диверсий, массового голода и террора против советских вождей, не были сочтены таковыми.

Во избежание военного конфликта, король устно приказал выдать Бутенко паспорт умершего румынского гражданина, внешне похожего на него, и в сопровождении полковника Стефанеску перевезти на поезде в Милан. Там Бутенко, предъявив в ближайшем полицейском комиссариате свой советский дипломатический паспорт, попросил политического убежища, после чего был отправлен под конвоем в Рим¹⁰. Мы не знаем, о чем беседовали министр Чано и бывший временный поверенный. В пространной докладной записке на имя министра внутренних дел Бутенко приводит лишь его заключительную, по-дипломатически сдержанную фразу: «Вы поступили правильно, г-н Бутенко, это жест доброй воли». Однако в личном дневнике за этот день Чано сделал такую запись: «*Di questo individuo me ne servo, ma lo disprezzo. E un traditore e un vile che ha abbandonato il suo sangue (una figlia) alla vendetta di Stalin*». (Я воспользуюсь этим индивидуумом, хотя и презираю его. Он подлый предатель и трус, который бросил на растерзание Сталину родную кровь, свою дочь)¹¹.

Вот его выбор: продлить собственную жизнь, обрекая жену и ребенка на мучительную гибель, или ждать отзыва в Москву, разделить судьбу своего предшественника, а жену и дочь сделать членами семьи «врага народа». Отметим, что в выписке из его дела, присланной в ответ на наш запрос из Архива ФСБ, не содержится сведений о намерении НКВД арестовать Бутенко в 1938 г.¹².

Таким образом, в нашем распоряжении оказалось четыре корпуса архивных документов из следующих источников: Личное дело Бутенко из архива Министерства иностранных дел РФ, выписка из дела Ф.Х. Бутенко из Архива ФСБ и два обширных итальянских досье на него: из архива Политической полиции (Polizia Politica – POLPOL, Fascicoli personale, Butenko Teodoro, листы не нумерованы)

и из Архива Министерства народной культуры и пропаганды (Ministero della Cultura popolare e Propaganda), хранящихся в Центральном государственном архиве Италии (Archivio Centrale dello Stato – ACS). Два последних ведомства курировали Бутенко в Италии с 1938 по 1943 год. Эти архивы были методично изучены нами в рамках интернет-проекта «Русские в Италии 1901–1945», финансируемого Министерством высшего образования и науки Италии. Кроме того, в российских и итальянских библиотеках найдены обширные публикации Бутенко в советских научных и литературных журналах и его политические статьи в итальянской периодике времен фашизма¹³. Вот краткий очерк его жизни до приезда в Румынию, полученный из сопоставления двух источников, итальянских и советских.

Он родился в 1905 году в селе Андреевка Днепропетровской области в семье сельского фельдшера. В автобиографии, написанной им в 1935 г. для поступления на курсы НКВД, он написал, что участвовал в 1918–19 гг. на стороне Красной Армии в военных столкновениях с отрядами Нестора Махно, был ранен. В автобиографии, написанной для итальянских спецслужб в 1938 г., он сообщил, что во время Гражданской войны в возрасте 14–15 лет воевал добровольцем в Белой армии Врангеля в Крыму в качестве пулеметчика, «сына полка», указывает для возможности проверки фамилии ряда однополчан. (Скорее всего, там воевал не он, а его старший брат, Николай Бутенко, после эвакуации Белой армии из Крыма проживавший в Венгрии)¹⁴. В 1921–1923 годах, согласно советскому «Листку по учету кадров» НКВД, Федор работал помощником уполномоченного Секретной оперативной части Донецкого губернского отдела ГПУ, участвовал в насильственном изъятии хлеба у крестьян и в репрессиях против тех, кто оказывал сопротивление. После окончания рабфака, Днепропетровского педагогического института и аспирантуры в Ленинградском научно-исследовательском институте сравнительного изучения языков и литератур, его назначают научным сотрудником и ученым секретарем того же института. В 1930 году он вступает в ВКП(б). В тот же период защищает кандидатскую диссертацию на тему «Реализм Салтыкова-Щедрина»¹⁵ и назначается ответственным редактором Полного собрания сочинений классика.

С 1932 года Бутенко – старший научный сотрудник, заведующий сектором классической русской литературы и ответственный редактор Гослитиздата. В 1935 году по рекомендации райкома ВКП(б) он поступает на курсы дипломатических переводчиков Народного комиссариата иностранных дел. По окончании курсов в 1937 г. его посылают на работу в качестве гида-переводчика в советский павильон на Всемирной выставке в Париже. В 1931–1937 годах публикует в литературных журналах разгромные статьи против литераторов и критиков, отступающих от «руководящей линии партии», обличая их в левом и правом уклонизме, троцкизме¹⁶. Именно ему, редактору Гослитиздата, поручают выстрелить первыми залпами в печати в писателей и литературоведов: М. Майзеля, А. Ревякина, Георгия Горбачева, Мунблита в разгромной статье «Против троцкистской контрабанды в литературоведении». Эти обвинения впоследствии привели к их арестам по обвинению в троцкизме и гибели двоих из них в застенках ОГПУ¹⁷. Вот стиль его критики: «По поводу Горького дается картина нашей действительности, целиком списанная из троцкистских пасквилей и социал-фашистских газет. Удивительно ли, что Горбачев, говоря о нашей экономике, как черт ладана боится слова «социализм», а предпочитает, по Преображенскому, именовать ее «новой экономикой»...

кроме пропаганды идей троцкизма, Горбачев занимается и самой беззащитной рекламой Троцкого, этого передового борца контрреволюции в настоящее время»¹⁸. Критикам Перцову, Третьякову и Чужаку он настоятельно советует «изучать марксистскую диалектику – иначе безнадежный хвостизм у Эйхенбаума и Шкловского, иначе безнадежное удаление от берегов марксистской критики». В серии статей против «меньшевикско-троцкистской переверзевщины» под общим заголовком «Огонь направо и "налево"» он продолжает травлю на истребление указанной списком литературоведческой дичи. Здесь отметим характерно-стыдливые кавычки, заключающие второе слово: ведь истинно-левый критик сидит в Кремле.

Однако в очередном раунде этой идеологической «борьбы без правил» сам Бутенко получает удар ниже пояса от соперника, обвинившего его в «идейно-классовой безграмотности» и сразу перешедшего в наступление: «Характерен этот разрыв между нравственным и классовым. Ошибка Ф. Бутенко не является обмолвкой или неточной формулировкой... Его идеалистическая установка на «общечеловеческое» приводит его к ряду дальнейших ошибок... От сумбурной «биологической» болтовни он делает поворот на позицию троцкизма по отношению к крестьянству». Далее, чтобы сразить наповал, бой ведется цитатами из Ленина и Сталина, и в конце пускается отравленное копьё приговора: «Ф. Бутенко в своей статье протасил в литературу троцкистскую пропаганду». В бой на ликвидацию врага тут же включается новый боец: «... Бутенко клеветает на Ленина, не понимает ленинизма, линии партии, безграмотность пытается помножить на левый загиб. Критикуя Батрака (правого оппортуниста), он согласен с его правой критикой. В голове у Бутенко не может уложиться истина, что $2 \times 2 = 4$. Ревякин благодарит Бутенко за критику. Значит, плохо Бутенко боролся с агентом кулачества»¹⁹.

От исключения из партии, из аспирантуры, а в дальнейшем и из жизни, Бутенко, член правления Ассоциации пролет-колхозных (*так!*) писателей, спасается путем унижительного покаяния и благодаря заступничеству партийно-чекистского начальства. В итальянской автобиографии Бутенко признается, что все эти годы он всеми средствами пытается вырваться вместе с женой и дочерью за границу, чтобы остаться там навсегда.

По прибытии в Италию он сразу же включается в антикоммунистическую и антисемитскую пропагандистскую кампанию: дает интервью, выступает по радио, пишет множество статей для итальянской и немецкой прессы. Он разоблачает сталинский курс на уничтожение партийной оппозиции и любого инакомыслия²⁰, офицерского состава Красной Армии, геноцид крестьянства под видом коллективизации²¹, положения рабочих²² и стремление Сталина через Коминтерн установить коммунистические тоталитарные режимы по всему миру²³. Вскоре в Германии, а затем в Италии выходит его брошюра «Разоблачение Москвы» (1938)²⁴, обобщающая его предшествующую публицистику. Здесь, в частности, впервые описан голодомор 1931–33 гг. на Украине и Кубани как акт мести большевистской власти русским и украинским крестьянам за сопротивление коллективизации²⁵. Причем автор дает понять, что сам был очевидцем массового голода (разумеется, не случайным), и, следовательно, хотя бы косвенно, участвовал в геноциде. Эти выступления вызвали личное одобрение министра иностранных дел Г. Чано и привели к охлаждению в отношениях между Италией и СССР. В начале 1938 года, в ходе подготовки к визиту Гитлера в Рим (и еще сильнее после него) в итальянской прессе разворачивается антисемитская пропаганда. Бутенко тотчас же *пролеткрестьянски*

решительно оседлал эту тему, выдав стандартный блок юдофобской пропаганды, не снятой с вооружения и поныне. В статье «Жидовское раздолье в советском аду» он утверждает, что «...на место прежней русской буржуазии пришла новая буржуазия, почти на 100 % состоящая из евреев. Все евреи в СССР пользуются специальной протекцией еврея Лазаря Кагановича, наиболее близкого советника Сталина. Все большие заводы и стройки, вся монополизированная продукция, вся военная индустрия, все железные дороги, вся крупная и мелкая торговля находится, в конечном счете, в руках евреев, русский пролетариат является «господином экономики» только в абстрактной, отвлеченной теории. Еврейские женщины и семьи владеют роскошными автомобилями и домами, они проводят лето в домах отдыха и курортных местах Крыма и Кавказа, они носят дорогой каракуль и другую роскошную одежду, драгоценности и другие предметы роскоши из Парижа»²⁶. По мнению Бутенко, русский народ сможет победить их, лишь выступив единым фронтом с германским национал-социализмом и итальянским фашизмом²⁷. Он советует итальянским и германским политикам в борьбе против экспансии большевизма делать ставку на растущий вал антисемитизма в советском обществе. Вскоре последовало принятие в Италии расовых законов, положивших начало преследований и изгнания евреев из научной, политической и общественной жизни Италии. Бутенко назвал это «торжеством расовой справедливости»²⁸.

В одной из своих статей Лев Троцкий так высказался по поводу агентов-перебежчиков: «Публичные выступления бывших заграничных агентов Кремля, отказавшихся вернуться в Москву, неопровержимо подтвердили, что в составе советской бюрократии имеются все оттенки политической мысли: от подлинного большевизма (И. Райсс) до законченного фашизма. Феодор Бутенко совершил скачок к фашизму. От многого ли ему приходилось отказываться? Много ли ломать в себе? Мы этого не думаем. Очень значительная и притом растущая часть сталинского аппарата состоит из еще не сознавших себя фашистов. Отождествлять советский режим в целом с фашизмом есть грубая историческая ошибка, в которую склонны впадать ультра-левые дилетанты, игнорирующие разницу социальных фундаментов. Но симметрия политических надстроек, сходство тоталитарных методов и психологических типов бросаются в глаза. Бутенко есть симптом огромной важности: он показывает нам карьеристов сталинской школы в натуральном виде»²⁹.

В 1939–42 годы Б. живет в режиме глубокой конспирации в Сицилии под итальянским именем *Альберто Росси*. Лишенный доступа к библиотекам, он просит прислать ему для работы над монографией «Большевизм и иудаизм» книгу Гитлера «*Mein Kampf*», тексты всех трудов Муссолини, главные издания русской эмиграции. После агентурного сообщения о готовящемся на него покушении со стороны ОГПУ и итальянских коммунистов, его направляют в Албанию, где он с началом войны работает военным почтовым цензором, контролируя письма итальянских солдат на родину. Б. многократно делает запросы с просьбой предоставления ему итальянского гражданства, но получает отказы как гражданин враждебной страны.

Общее представление о практической пользе для Италии сведений, полученных от Бутенко, можно получить из следующего отчета:

«Секретно. Главное Управление Общественной Безопасности. Отдел Политической полиции. № 500.15255. Рим, 23 мая 1939 – XVII

Уважаемому Министерству Иностранных дел. Орготдел – IV Рим

В продолжение предшествующих аналогичных сообщений согласно письменным инструкциям № 500.12849 и 500.13870 соответственно от 1 и 10 числа сего месяца, имею честь сообщить сему Министерству обобщенный рапорт информативного характера, переданный известным Федором Бутенко и переведенный старанием Центра Антикоммунистических исследований. Рапорт, который представляется комплексным и достаточно интересным, можно разделить на четыре части:

Первая касается военной готовности СССР в полевых условиях, морального состояния населения, средствах противовоздушной обороны, милитаризации городов;

вторая и четвертая часть, обобщая содержание предыдущих сообщений, касается парторганизаций при представительствах СССР за рубежом, представлены «личные дела» конкретных сотрудников представительств в разных странах;

в третьей части в основных частях рассматривается политическая ситуация в Румынии на основе некоторых персоналий, известных Бутенко.

Представляется целесообразным ознакомить с данным рапортом также и Министерство обороны (Военную разведку), поскольку некоторые сообщения могут представить интерес для этого ведомства.

Необходимо предупредить, что Бутенко посылает такие отношения спонтанно, чтобы, по его собственным словам, компенсировать итальянское гостеприимство.

Несмотря на то, что он настроен продолжать составлять такого рода донесения, которые, по его мнению, могут быть нам полезны, следует признать, что все эти сведения, учитывая теперешнее положение Бутенко, имеют ретроспективный характер, поскольку его активная информативная польза обречена на истощение.

Следовательно, вновь актуализируется трудная проблема его постоянного трудоустройства, о чем уже ранее запрашивалось Министерство телетайпом № 303115/с от 8 февраля с.г. и согласно соответствующему указанию на его содержание была временно выделена сумма в 1000 лир ежемесячно.

Доводится до сведения, что из стремления разрешить, если не полностью, то хотя бы частично, указанную проблему, предлагается Министерству народной культуры через свои представительства выступить посредником по отношению к итальянским газетам и журналом с целью публикации предоставленных Бутенко статей и рассказов антисоветского политического содержания, которые, по замыслу автора, предназначены для украинских газет. Господину Бутенко предложено высказать определенное мнение, хочет ли он и впредь заниматься подобной литературной деятельностью, и мы ожидаем его ответа.

Желательно вновь рассмотреть возможность ускорить перевод на имя Бутенко суммы 4 498, 50 рейхсмарок, начисленных ему немецким издательством «Нибелунген ферлаг». Для этой цели Министерство народной культуры входило в контакт с компетентным Министерством экономики Рейха и как можно скорее должно сообщить результаты этой операции.

Наконец, принято к исполнению сообщение нашего посольства в Москве № 1833/757 от 10 сего месяца не извещать Бутенко о невозможности, по крайней мере, в настоящий момент, удовлетворить его желание установить связь с семьей, так как предполагается, что это сообщение вызовет у него тяжелый приступ душевной депрессии, и заверить его, что, с одной стороны, Посольство осведомлено об этой просьбе, и что, с другой стороны, это весьма особый случай, и что,

если такая немислимая возможность как установление связи с его родными представится, то он оно не применит им воспользоваться»³⁰.

На очередном письме Бутенко с просьбой дать задание на статью, адресованном лично Муссолини, тот пишет резолюцию: «Выплачивать ему 2000 лир ежемесячного пособия и пусть *ничего не пишет*». По дате письма (20.10.1939) легко догадаться о причине наложения запрета – Германия и СССР пошли на стремительное сближение – антикоммунистическая публицистика стала неуместной. Почувствовав утрату интереса к его статьям, написанным с позиции русского патриота, Бутенко попытался перейти на запасные пути «украинского национального дела» и предложил свое перо шефу Украинской Громады в Риме Эвгену Онацкому. Однако украинские националисты также отказались от его услуг. Бутенко жалуется главе тайной полиции: «В первые дни пребывания в Риме и впоследствии я считал, что было бы целесообразным мое сотрудничество в украинской сепаратистской заграничной прессе. Я – украинец. Я родился на Украине. Вся моя жизнь и моей жены глубоко связана с Украиной. Морально и политически я не могу себя оторвать от украинского народа. Я полагал, что мог бы быть полезным своему народу. Однако же настороженность и отчасти недоверие, которое было проявлено ко мне со стороны г-на Онацкого едва ли создаст благоприятную атмосферу для моего сотрудничества в Заграничной Украинской прессе»³¹.

Из своего албанского укрытия он постоянно просит руководство итальянской военной разведки связаться с его родственниками, оставшимися на Украине и в Ленинграде, предлагает имена друзей в качестве связных. Он пишет письма жене и дочке, полные любви и надежды, так и оставшиеся непрочитанными: «Верочка, ты героически выносила все испытания нашей судьбы и умела всегда делать так, что с каждым новым годом нашей жизни счастье наше возрастало и укреплялось. Ты побеждала меня всегда благородством и целостностью своей натуры. Как я был счастлив, что жизнь столкнула меня именно с тобой, которая олицетворяла самое высокое и святое, что должно быть присуще женщине и матери... многое, если не все будет зависеть только от нас. Сохранить нашу семью, выпестовать, не дать Лиечке впасть в пропасть несчастного, губительного сиротства... Бесконечная тоска, печаль по вас никогда не оставляют меня... Помните меня, ты и дочурка – я предприиму все, чтобы облегчить ваше материальное положение... Хватит ли у тебя энергии, силы, чтобы там одной, в обстановке преследований и под страхом террора бороться за свое, Лиечкино существование?»³².

Сразу после нападения Германии на СССР и выступления Италии на ее стороне Бутенко обращается с письмом к главе Военной разведки Перуцци, а тот информирует о его содержании главу Политической полиции Лето. В нем он предлагает использовать себя в любом, самом рискованном задании на территории Украины, чтобы продемонстрировать верность фашистской Италии. Однако вместо фронта его отправляют «на отдых» в Лигурию, на Итальянскую Ривьеру.

В период оккупации Украины германскими и итальянскими войсками ему через итальянских военнослужащих удается связаться со своим тестем, Герасимом Кравченко, из письма которого он узнает, что его жена (Вера Кравченко) и ее брат, Михаил накануне войны были арестованы, а 10-летняя дочь с бабушкой отправились в Ленинград, где вероятно погибли от голода во время блокады³³.

Последний по времени документ из досье Б. в архиве Политической полиции свидетельствует о его пребывании в Венеции в частном пансионе. В этом письме

он вновь просит отправить его на восточный фронт рядовым солдатом, чтобы сражаться за идеалы фашизма с большевиками³⁴. Он не знает, что итальянская армия (ARMIR), неся тяжелые потери, уже отступает из Ростовской области и Украины. Дальнейших сведений о его судьбе пока найти не удалось.

Когда репрессии сводят жизнь человека к борьбе за выживание, он превращается в хамелеона. Ставший в атмосфере страха, насилия и лжи глашатаем большевистской партийности в литературе, советский интеллигент из народа легко и естественно перевоплотился в фашистского пропагандиста, а его личность стерлась в пыль меж двух жерновов зла.

Примечания

¹ Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 45.

² Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. / С. Дюллен; [пер. с фр. Э.М. Кустовой]. (Сер.: История сталинизма). М.: (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. Цит. по: Миодушевская Т. Революционер в смокинге: тайны обольщения Запада при Сталине // Аргументы и факты. 11.06.2009.

³ Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документального исследования: в 2 кн.. Кн. 1. Бежал и перешел в лагерь буржуазии... (1920–1929). 2009. 704 с.

⁴ Вот неполный список дипломатов и разведчиков, жертв террора: Крестинский, Карахан, Розенберг, Арэнс, Антонов-Овсеенко, Асмус, Давтян, Карский, Юренев, Гайкис, Тихменев, Бекзаян, Подольский, Бродовский, Гершельман, Лашкевич, Сабанин, Цукерман, Фехнер, Штерн, Стомояков, Назаров, Барков, Вайнберг, Виноградов, Плоткин, Гнедин, Гиршфельд. По возвращении в Москву Островскому оставалось жить совсем немного. Его вдова тогда же послала запрос с апелляцией на его арест. Но к тому времени, когда после войны ГУГБ МГБ СССР разобралось в документах, М.С. Островского уже не было в живых.

⁵ Кен О.Н. М.С. Островский и советско-румынские отношения (1934–1938 гг.) // Россия в XX веке: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН проф. В.А. Шишкина. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 336–360.

⁶ Butenko T. Из автобиографии, написанной для МВД Италии // ACS. POLPOL. fsc.pers. P. 11.

⁷ Впервые бегство полпреда Бутенко и его краткое тайное пребывание в Бухаресте изучены по архивным источникам в работе Ragsdale H. The Butenko Affair: Documents from Soviet-Romanian Relations in the Time of the Purges, Anschluss and Munich // The Slavonic and East European Review. Vol. 79. No. 4 (Oct. 2001). P. 716.

⁸ Butenko T. Из автобиографии... P. 14.

⁹ Там же, С. 16.

¹⁰ Mattei R. Il caso Butenko. Un uomo contro il bolscevismo // Nuova storia contemporanea 2007. № 5. P. 99–128. В работе описан итальянский период деятельности Бутенко, однако она базируется только на итальянской части архивных документов; тексты, написанные Бутенко по-русски не использованы.

¹¹ Ciano G. Diario 1937–1943. Bur; Milano, 1990. P. 100. (alla data 17 febbraio 1938).

¹² В выписке из дела, в частности, сказано: «... Бутенко Федор Хрисанфович, 1905 г.р., уроженец с. Андреевка Селидовского района Сталинской области. В 1935–1937 гг. – слушатель Института по подготовке дипломатических и консульских работников НКВД. В декабре 1937 г. Бутенко Ф.Х. командирован в Полпредство СССР в Румынии в качестве советника, откуда бежал 6 февраля 1938 г. 17.08.1955 г. Следственным управлением КГБ СССР возбуждено уголовное дело в отношении Бутенко Ф.Х. по признакам преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 58-1 УК РСФСР (измена родине). Постановлением Следственного управления КГБ СССР от 09.04.1956 г. уголовное дело было приостановлено на основании ст. 202 п. «а» и ст. 203 УПК РСФСР в связи с отсутствием достоверных данных о местопребывании Бутенко вплоть до установления местопребывания подследственного. Постановлением Следственного управления ФСБ России от 27.09.2000 г. уголовное дело по обвинению Бутенко Ф.Х. производством прекращено на основании ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления ввиду устранения преступности и наказуемости».

этого деяния уголовным законом, вступившим в силу после совершения этого деяния». ФСБ РФ. Управление регистрации и архивных фондов. 03.2008. № 10/А-991.

¹³ Библиография основных работ Ф. Бутенко, опубликованных в СССР:

Бутенко Ф. О Ревякине // Звезда. 1931. № 7. С. 127.

Бутенко Ф. М. Смирнов. Смотр пролетколхозной литературы // Земля советская. 1931. №1. С. 154–156.

Бутенко Ф. Критик против // Земля советская. 1931. № 2. С. 150–153; № 11–12. С. 180–189.

Бутенко Ф. Антинигилистический роман // Литературная учеба. 1933. № 6–7. С. 3–23.

Бутенко Ф. За срывание масок. Против методологии Г. Горбачева // Перелом. 1931. № 9.

Бутенко Ф. За большевистскую перестройку // Перелом. 1931. № 12.

Бутенко Ф. Огонь направо и «налево» // Перелом. 1931. № 10. С.37–45.

Бутенко Ф. По поводу своих ошибок // Перелом. 1932. № 5–6.

Бутенко Ф. ... // Сб. Борьба за стиль. Л. 1934.

Бутенко Ф. Вяч. Шишков ... // Стройка. 1931. № 34–35. С. 11.

Бутенко Ф. Концепция пролетколхозной литературы // На литературном посту. 1931. № 35–36.

Бутенко Ф. Роман о капитализме // Литературный Ленинград. 1933. № 13.

Бутенко Ф., Кирпотин В., Крикин М., Смирнов М. Рецензия: Горбачев Г. Капитализм и русская литература, Гиз, Л., 1925, изд. 2-е, Л., 1928; Его же. Современная русская литература, изд-во «Прибой», Л., 1928, 2-е изд., Л., 1929 // Звезда. 1932. № 1. С. 161.

Бутенко Ф. М.Е. Салтыков-Щедрин о реализме // Звезда. 1933. № 8. С. 166.

Бутенко Ф., Ухмылова А. Рецензия на книгу: Майзель М.Г. «Краткий очерк современной русской литературы: Критическая бригада ЛИЯ ЛЮКА» // На литературном посту. 1931. С. 16.

Щедрин М. (М.Е.Салтыков) Избранные произведения. Вступительная статья и примечания Ф. Бутенко Л. ГИХЛ, 1937. 732 с.

О Салтыкове-Щедрине // Русская литература. 10 класс. Хрестоматия историко-литературных материалов // сост. Каплан И.Е., Пинаев М.Т. М.: Просвещение, 1993. С. 102–119.

Основные публикации Ф. Бутенко и о нем в итальянской прессе:

Butenko in salvo a Roma svela gli orrori del regime staliniano. Intervista // Gazzetta del Popolo. 17.02.1938. P. 1.

Come Butenko giunse in Italia e venne identificato dalle nostre autorità // Ibid. 18.02.1938. P. 1.

Dichiarazione di Butenko a un giornale tedesco // Ibid. 19.02.1938, ripubblicato dal «Voelkischer Beobachter» 18.02.1938.

Strasciuchi dell'affare Butenko. Indagazione a Bucarest per le assurde pretese del governo sovietico // Ibid. 19.02.1938. P. 2.

Dove va Mosca? La politica estera dei Sovieti // Ibid. 16.03.1938. P. 3.

Lettere di un morto // Ibid. 7.07.1938. P.3.

La schiavitù del popolo nella Russia sovietica // Ibid. 14.07.1938. P. 6.

La violenza armata contro i contadini nella Russia sovietica // Ibid. 22.07.1938. P. 3.

La costituzione del dittatore Stalin ridicola e triste farsa politica // Ibid. 6.08.1938. P. 6.

Gli Sherlock Holmes della Lubianka // Ibid. 30.08.1938. P. 6.

Lettera N.4 di un morto. Stalin e la guerra // Ibid. 7.10.1938. P. 3.

Cuccagna giudaica nell'inferno bolscevico // Ibid. 15.10.1938. P. 3.

Rivelazioni su Mosca. Firenze 1939.

¹⁴ «Там Николай Б. женился на дочери крестьянина и проживает со своими детьми в местечке Неревигаза, недалеко от румынской границы. Он получил от нынешнего невозвращенца из Бухареста, когда тот еще был на советской службе, письмо такого содержания: "Я накануне большого события, но я не знаю, что меня ожидает. Если что услышишь про меня – не пугайся. Смерть не так страшна. Но ни за что не пиши обо мне оставшимся в советской России"» // Возрождение. № 4120. Париж, 25.02.1938.

¹⁵ Опубликована: Бутенко Ф. М.Е. Салтыков-Щедрин о реализме // Звезда. 1933. № 8. С. 166–190.

¹⁶ До сих пор в школьной хрестоматии помещены выдержки из его статей о Салтыкове-Щедрине. В работе Н.Н. Зарубина. Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX века // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 56; также есть ссылка на статью Ф. Бутенко «Роман о капитализме» // Литературный Ленинград. 1933. № 13. О романе В. Шишкова «Угрюм-река». В дальнейшем Бутенко становится одним из соавторов пособия «Пооктябрьская литература. Учебник по литературе для III курса рабфаков, техникумов и школ ФЗУ». М.: Учпедгиз.,

1932., который переиздавался до 1980-х годов. Ему принадлежит авторство раздела «Между Достоевским и Маминым-Сибиряком (О Вяч. Шишкове)», который переиздавался до 1980-х годов. Здесь он обвиняет Шишкова в том, что тот «пошел искать ключи к разгадке внутренней сущности капитализма не к классикам марксизма, не к истории борьбы классов, не к лучшим образцам реалистической литературы о капитализме (М. Горький), а к...реакционным рецептам спасения в духе Достоевского». Там же, с. 249. Ср.: о нем же в сб. ст. «Борьба за стиль» Государственная Академия искусствознания, Институт литературоведения. Л. ГИХЛ, 1934.

¹⁷ Горбачев Георгий Ефимович (26.IX.1897, Петербург – 10.X.1942), критик, литературовед, профессор ЛИФЛИ. В 1925–1926 годах – редактор журнала «Звезда». Автор работ по русской классической и советской литературе. Арестован в 1937, умер в заключении. Майзель Михаил Гаврилович (1899–1937), зав. критическим отделом журнала «Литературный современник», обвинялся по ст. 17–58–8 (пособничество в совершении террористического акта), 58–11 УК РСФСР (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления). Постановлением Особой Тройки УНКВД ЛО от 10 сентября 1937 года определена высшая мера наказания. Расстрелян 4 ноября 1937 года.

¹⁸ Федор Бутенко и др. // Звезда. 1932. № 1. С. 161–164.

¹⁹ *Боданов А.* Об одном «Предисловии». Обсуждение Письма тов. Сталина и задачи ВОАП и ВОАПКП // На литературном посту. 1931. Декабрь. № 35–36. С. 47–49.

²⁰ *Butenko T.* «Io sono stato testimone...». La schiavitù del popolo nella Russia sovietica // Gazzetta del Popolo. 14 luglio 1938. P. 6.

²¹ *Butenko T.* «Io sono stato testimone...» La violenza armata contro i contadini nella Russia sovietica // Gazzetta del Popolo. 22 luglio 1938. P. 5.

²² «На пресс-конференции Бутенко указал, что русским рабочим живется несравненно хуже, чем итальянским. В то время как заработки советских рабочих на 60–70 % ниже итальянских, цены в СССР на 300 % выше, чем в Италии. Бутенко заявил, что различие между богатыми и бедными в СССР ныне гораздо больше, чем до революции» // Возрождение. Париж. 1938.22.07. № 4141. С. 3.

²³ *Butenko T.* Lettera N. 4 di un morto. Stalin e la guerra // Ibid. 7.10.1938. P. 3.

²⁴ *Butenko T.* Enthüllungen über Moskau. Hrsg. von der «Antikomintern». Berlin [u.a.]: Nibelungen-Verl? 1938. S. 47. По ит.: Rivelazioni su Mosca. Firenze. 1939. По-русски этот текст был впоследствии опубликован в сб. «Почему бегут из СССР?». Шанхай. 1939.

²⁵ «В 1933 г. на Украине и других территориях южной России разразился неурожай и голод, более смертоносный по масштабам, чем в Поволжье в 1921. При этом власти целенаправленно отбирали у крестьян последнее зерно как недоимки за прошлые годы по продналогу на кулаков, срывающих партийные планы коллективизации. В эти годы много сотен тысяч человеческих жизней были принесены в жертву голоду коллективизации. В 1933 у меня был случай проехать по селам Киевской области. Вдоль дороги и на деревенских улицах, повсюду виднелись сотни раздувшихся трупов. Я побывал в десятках сел, где население вымерло до последнего человека. Это было путешествие по бесконечному царству смерти. В домах лежали не погребенными целые семьи. Нужно было иметь сильнейшее самообладание, чтобы не потерять рассудок от ужаса». Там же. 67 с.

²⁶ *Butenko Teodoro.* Rivelazione di un morto. Cuccagna giudaica nell'inferno bolscevico // Gazzetta del popolo, 15 ottobre 1938. P. 6.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ *Троцкий Л.* Заявление. Впервые опубликовано в сокращенном виде в «Нью-Йорк таймс» 5 марта 1938 г. Полностью опубликовано в кн. Writings of Leon Trotsky (1937–38). P. 210–213.

³⁰ Archivio Centrale dello Stato. Polizia Politica, fsc.pers. 14418, busta 207. Teodoro Butenko. P. 39.

³¹ В ответном письме Е. Онацкого на предложение Бутенко сотрудничества читаем: «Поскольку нельзя быть одновременно патриотом двух наций, т.е. «русским патриотом», как Вы себя определили в Вашем письме Васильеву, и «украинским патриотом», как Вы себя определили в интервью со мной, я бы использовал в переписке украинский язык. Я не могу быть патриотом двух народов, и особенно, двух воюющих между собой народов. Это война не только с большевизмом и с Москвой, но она выходит за границы нашей территории... Если народ борется за свою независимость, он должен всеми силами стараться победить врага... Все это дает мне основания предполагать, что Вы далеки от украинской жизни, иначе Вы бы не могли так реагировать. Мы же занимаемся проблемами, связанными с украинским национал-социализмом, и, боюсь, что в них Вы не можете ориентироваться.» (пер. с ит.). Archivio Centrale dello Stato. Ministero della Cultura Popolare b. 9. Butenko P. 108–110.

³² Archivio Centrale dello Stato, Polizia Politica, fsc. pers. 14418, busta 207. Butenko T. P. 346.

³³ Приведем полностью это письмо (отредактированное мной согласно общепринятой орфографии), посланное из оккупированного Днепропетровска с нарочным:

«Бутенко Федору Хрисанфовичу

Дорогой Федя,

То, что ты в своей книге писал о судьбе семьи, у нее так и вышло. Ту книгу Вере удалось прочесть через твоих друзей. И она сразу же нас поставила в известность, чтобы и мы были ко всему готовы. Конечно же сразу большевистские бандиты начали говорить ей, что ты враг народа, и она тоже должна понести наказание. И тут же лишили ее пособия и конфисковали все вещи, что завхоз переслал из заграницы. Вера, когда приезжала к нам, то сказала, что Лия останется нам, а она будет со всеми трудностями бороться, и она рада, что ты жив, и во имя этого всякие экзекуции ей не страшны. В 1941 году она написала, чтобы мама Софья Никитична приехала с Лией в Ленинград. Они 3 мая поехали, а 18 июня, перед войной, Веру и Мишу арестовали безжалостные узурпаторы, и как ни старалась Софья Никитична узнать, где они, не удалось добиться. Война лишила их возможности приехать обратно в Днепропетровск. Так что теперь Софья Никитична и Лия живут в Ленинграде, и им, наверно, нужна помощь. Так что, когда заберут Ленинград и у тебя будет возможность что-нибудь сделать для них, то постарайся. Я со своей стороны тоже все возможное сделаю. Как получишь письмо, напиши ответ мне: Днепропетровск, ул. Вышинского, д. 4.

Любящий тебя дедя. 2/3–42. (2) Я уже хотел оказать помощь бабушке и внучке и по пропуску фельдкоменданта пешком дошел до Могилева и обратно возвратился, потому что там комендант сказал, что зимой наступать не будут. Прости меня, Федюша, что я тебя беспокою, но я не могу забыть того, как они там живут в голоде, и останутся ли они живы и, если нам еще придется с ними встретиться, то это для меня будет самый большой праздник. Так прошу тебя, может можно что-то сделать, чтобы спасти хоть бабушку и Лиюшу. Я пока живу ничего, вольно и не голодаю, но скука ужасная. Ты, если сможешь, ответь мне хоть три слова. Будь здоров. Крепко, крепко жму твою руку и целую с сердечным приветом.

Г«ерасим» В«акулович» ACS, POLPOL, fsc. pers. 14418, busta 207. Butenko Fedor

³⁴ Из письма Бутенко главе Политической полиции Лето от 29.03.1943. Там же.

А. С. Тимошук

АНКЛАВИЗАЦИЯ ТРАДИЦИИ КАК ПРИМЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Постмодернизм – это широкое культурное течение в рамках пост-культуры, объединяющее философию, искусство, эстетику, религию. В этой статье мы предложим обоснование сходства постмодернизма и неотрадиционных явлений. Общим для этих двух феноменов являются смешение стилей, эклектизм; отказ от построения системы, логико-категорической организации мысли и принятие внерациональной словесной текучести; отход от дихотомии духовное – телесное, священное – мирское, этическое – аморальное, истинное – ложное; антисистематизм; адогматизм; самоутверждение личности в свободе творчества.

Неотрадиционные явления образуют сложный калейдоскоп религиозных, политических, идеологических и околонаучных воззрений. К ним, в частности, можно отнести движение New Age, провозглашающее вступление в эру Водолея и начало новой традиции, неязыческие организации, альтернативные оздоровительные, психологические направления. Некоторые еще не имеют четких границ, находятся на стадии формирования. Мы взяли в качестве примера неотрадиционного движения неоиндуизм, который существует уже больше двух веков.

Генезис традиционной культуры (ТК) этого региона способствовал выработке эклектичного термина для характеристики совокупности верований и практик со стороны соседей. Термин «индуизм» происходит от санскритского «синдху», что может означать «водоем, океан, река». Так арии назвали реку, образывавшую